

## ПРОЛОГ

«Обвинение докажет, что Молли Карпентер Лэш преднамеренно убила своего мужа, доктора Гэри Лэша. Когда он сидел за письменным столом спиной к ней, она пробила ему голову тяжелой бронзовой статуэткой. Затем миссис Лэш оставила мужа истекать кровью, а сама отправилась в спальню на втором этаже, легла в постель и уснула...»

Репортеры, сидевшие за спиной защитника, жаростно строчили в блокнотах, торопясь написать статьи, чтобы те в срок появились на страницах газет. Журналистка-ветеран из «Уиминс ньюс уикли» принялась, как обычно, многословно излагать происходящее: «Сегодня утром в торжественной тишине зала суда исторического города Стамфорда, штат Коннектикут, начался процесс по делу Молли Карпентер Лэш, обвиняемой в убийстве своего мужа Гэри».

Это событие освещали средства массовой информации всей страны. Репортер «Нью-Йорк пост» описывал внешность Молли, уделяя особенное внимание тому, как обвиняемая оделась для первого

дня суда. Сногсшибательная женщина, думал он. Невероятное сочетание породы и красоты, само по себе редкое, а особенно в зале суда. Он отметил, как она сидела: прямая, почти царственная.

Кто-нибудь наверняка назовет ее «вызывающе дерзкой». Репортер знал, что ей двадцать шесть лет. Она была изящна — с белокурыми волосами до плеч, в синем костюме и крохотных золотых серьгах. Он выворачивал шею до тех пор, пока не увидел обручальное кольцо на руке. Репортер отметил это в блокноте.

Пока он наблюдал за подсудимой, Молли Лэш обернулась и оглядела зал, словно искала знакомые лица. На мгновение их взгляды встретились, и он отметил, что у нее глаза синие, опущенные длинными и темными ресницами.

Пол Рейли из «Обсервера» записывал впечатления, которые произвела на него защита и все происходящее. Так как он работал в еженедельнике, то мог не торопиться с написанием статьи. «Молли Лэш смотрелась бы куда уместнее в загородном клубе, чем в зале суда», — написал Пол Рейли и посмотрел на родных Гэри Лэша, сидевших через проход.

Свекровь Молли, вдова знаменитого доктора Джонатана Лэша, сидела рядом с сестрой и братом. На лице этой худощавой в свои шестьдесят женщины застыло суровое, каменное выражение. Совершенно ясно, решил репортер «Обсервера», если бы ей дали возможность, она бы с радостью сама сделала Молли смертельный укол.

Рейли огляделся по сторонам. Родители Молли, приятная пара лет пятидесяти, выглядели напряженными, встревоженными и подавленными. Репортер записал это наблюдение в блокнот.

В 10.30 встал защитник и начал свою речь:

— Обвинитель только что пообещал вам, что он, вне всякого сомнения, докажет вину Молли Лэш. Дамы и господа, я утверждаю, что показания говорят о невиновности моей подзащитной. На самом деле она такая же жертва этой ужасной трагедии, как и ее муж. Когда вы услышите все свидетельские показания по этому делу, вы убедитесь в том, что Молли Карпентер Лэш вернулась домой восьмого апреля после восьми часов вечера, проведя неделю в своем доме на мысе Код. Она обнаружила своего мужа Гэри в кабинете. Он лежал на письменном столе. Молли прижалась губами к его губам, пытаясь оживить его. Она услышала его последние вздохи. Когда Молли поняла, что ее муж мертв, она поднялась наверх и, совершенно обессиленная, упала без чувств на постель.

Молли сидела за столом защиты и слушала спокойно и внимательно.

Это все слова, сказала она себе, они не могут причинить ей вреда. Она чувствовала, что ее разглядывают с любопытством и осуждением. Кое-кто из старинных друзей подошел к ней в коридоре, поцеловал в щеку и пожал руку. Дженна Уайтхолл, корпоративный юрист, с которой они дружили со старших классов школы, была среди них. Ее муж Кел председательствовал в совете клини-

ки Лэша и местной ОМО\* «Ремингтон», которую основал Гэри вместе с доктором Питером Блэком. Молли подумала о том, что и Дженна и Кел были очень добры к ней. В последнее время, когда ей хотелось уехать подальше от всего, она не раз останавливалась у Дженны в Нью-Йорке. И это ей очень помогло. Дженна и Кел по-прежнему жили в Гринвиче, но у них была еще и квартира на Манхэттене, где Дженна часто оставалась ночевать среди недели.

Молли видела в коридоре и доктора Питера Блэка. Он всегда был очень любезен, но теперь, как и мать Гэри, игнорировал ее. Питер и Гэри подружились во время учебы в медицинском институте. Молли гадала, сможет ли Питер заменить Гэри и возглавить одновременно и клинику Лэша, и ОМО. Вскоре после смерти Гэри совет избрал Питера исполнительным директором, а Кел Уайтхолл остался председателем.

Молли сидела, ничего не замечая вокруг, а судебное заседание шло своим чередом. Обвинитель начал вызывать свидетелей. Они входили, отвечали на вопросы прокурора и уходили, но Молли не различала лиц, а голоса звучали неясным шумом в ушах. Наконец настала очередь приходящей экономки Эдны Барри, полной шестидесятилетней женщины.

---

\* Организация медицинского обеспечения, имеющая свою больницу или группу медицинских учреждений для лечения членов этой организации, вносящих средства в ее фонд и имеющих право в случае заболевания обратиться в любую из ее клиник. (*Прим. перев.*)

— Я пришла, как обычно, в понедельник, в восемь часов утра, — начала она.

— Это было девятого апреля?

— Да.

— Как долго вы работали у Молли и Гэри Лэш?

— Четыре года. Я начала работать еще у миссис Карпентер, когда Молли была совсем маленькой. Она всегда была такой милой.

Мать Молли злило, когда экономка называла дочь по имени, а Молли ее — миссис Барри. Но Молли было все равно. Эта женщина знала ее с детства. Молли заметила, что миссис Барри участливо смотрит на нее, и поняла, что женщина не хочет причинить ей вреда. Но экономка непременно расскажет, в каком виде она нашла свою хозяйку. И миссис Барри знает, как это будет воспринято.

— Я удивилась, потому что в доме горел свет, — продолжала свидетельница. — Дорожная сумка Молли стояла в холле, и я поняла, что она вернулась.

— Миссис Барри, опишите, пожалуйста, первый этаж дома.

— Прихожая очень большая. Ее скорее можно назвать холлом. Когда в доме бывали вечеринки, гостям там подавали коктейли перед ужином. Гостиная находится прямо за холлом, напротив входной двери. Столовая расположена слева, туда ведет широкий коридор. Кухня и маленькая гостиная также расположены в этом крыле, а библиотека и кабинет доктора Лэша занимают крыло справа от входа.

Молли вспомнила, что она рано вернулась домой. Машин на шоссе оказалось немного, и она приехала раньше, чем думала.

У нее была только одна сумка, и она внесла ее в дом. Потом она заперла дверь, окликнула Гэри и сразу же направилась к нему в кабинет поздороваться.

— Я прошла на кухню, — рассказывала миссис Барри. — Там на столе стояли стаканы и поднос с сыром и крекерами.

— Вас это удивило?

— Да. Молли всегда убирала все сама, если накануне кто-то заглядывал в гости.

— А как насчет доктора Лэша? — поинтересовался обвинитель.

Эдна Барри снисходительно улыбнулась.

— Ну, вы же знаете мужчин. Доктор не любил убирать за собой. — Она помолчала и нахмурилась. — В этот момент я поняла: что-то не так. Я решила, что Молли заходила домой, а потом снова уехала.

— Зачем ей это было делать?

Молли видела, что миссис Барри колеблется. Экономка снова посмотрела на нее.

— Когда я приходила в пятницу, Молли не было дома. Она уехала на мыс Код в прошлый понедельник. Она мне показалась страшно расстроенной.

— Расстроенной? Почему вы так решили?

Вопрос прозвучал быстро и неожиданно. Молли сознавала, что обвинитель относится к ней враждебно, но это ее почему-то не волновало.

— Собирая сумку, Молли плакала. И я видела, что она сердится. Вообще-то ее непросто вывести из себя. С Молли всегда было легко. Я проработала в доме много лет, но ни разу не видела ее такой расстроенной. Она все повторяла: «Как он мог? Как он мог?» Я спросила, могу ли я чем-то помочь.

— И что вам ответила миссис Лэш?

— Молли сказала: «Вы можете убить моего мужа».

— «Вы можете убить моего мужа»?

— Я знала, что она это сказала не всерьез. Я подумала, что они поссорились, и Молли решила уехать, чтобы немного остыть.

— Часто миссис Лэш вот так срывалась? Просто собирала вещи и уезжала?

— Видите ли, Молли нравится мыс Код. Она говорит, что там ей легче думается. Но на этот раз все было иначе. Я никогда не видела, чтобы Молли вот так уезжала, такая расстроенная.

Экономка снова сочувственно посмотрела на нее.

— Хорошо, миссис Барри. Давайте вернемся к событиям понедельника девятого апреля. Что вы сделали после того, как увидели неубранную кухню?

— Я пошла посмотреть, не у себя ли в кабинете доктор Лэш. Дверь была закрыта. Я постучала, мне никто не ответил. Я повернула ручку. Я еще тогда заметила, что она липкая. Потом я толкнула дверь и увидела его. — Голос Эдны Барри задрожал. — Доктор Лэш сидел в своем кресле

за столом. На его голове засохла кровь. Кровь была всюду. На нем, на столе, на кресле, на ковре. Я сразу поняла, что он мертв.

Молли слушала негромкий голос экономки, а перед глазами снова вставали события того субботнего вечера. Вот она приехала домой, вошла, заперла дверь, прошла в кабинет. Она была уверена, что Гэри там. Дверь была закрыта. Она открыла ее. Что случилось потом, Молли не помнила.

— И что же вы сделали, миссис Барри? — спросил обвинитель.

— Я сразу же набрала девять-один-один. Потом я подумала о Молли. Вдруг она тоже ранена? Я побежала наверх, в спальню. Когда я увидела ее на кровати, то решила, что она тоже умерла.

— Почему вы так решили?

— Потому что у нее на лице запеклась кровь. Но тут Молли открыла глаза, улыбнулась мне и сказала: «Привет, миссис Барри. Я, кажется, проспала?»

Молли помнила, как подняла глаза на миссис Барри и сообразила, что даже не раздевалась. На мгновение она решила, что с ней произошел несчастный случай. Ее одежда была в пятнах, руки испачканы чем-то липким. Она чувствовала себя слабой, плохо понимала, где находится. Молли тогда еще подумала, не в больнице ли она и не ранен ли Гэри тоже. Но тут забарабанили в дверь внизу, и через секунду в доме появилась полиция.

Свидетели продолжали по очереди давать показания, но Молли не понимала почти ни слова. Она едва замечала, как проходят дни суда, как она вхо-

дит в зал и покидает его, как сменяют друг друга люди на свидетельском месте.

Молли слышала, как давали показания Кел и Дженна Уайтхолл, за ними Питер Блэк. Кел и Питер рассказали, что в то воскресенье позвонили Гэри и предупредили, что заедут. Они сразу почувствовали неладное.

Оказалось, что Гэри был очень расстроен, потому что Молли узнала о его романе с Анной Марией Скалли. Гэри рассказал, что Молли провела всю неделю в их доме на мысе Код. Жена не стала с ним разговаривать, когда он позвонил, и бросала трубку всякий раз, как слышала его голос.

Обвинитель задал вопрос:

— Как вы прореагировали на признание доктора Лэша в том, что у него связь на стороне?

Кел сказал, что они были очень обеспокоены этим. Их волновал и брак Лэшей, и то, какой вред мог нанести репутации клиники скандал, в котором замешаны доктор Лэш и молоденькая медсестра. Гэри заверил их, что никакого скандала не будет. Анна Мария собиралась уехать из города. Ребенка, которого она ждала, молодая женщина планировала отдать на усыновление. Адвокат Гэри договорился с ней. Мисс Скалли уже подписала соглашение и должна была получить семьдесят пять тысяч долларов отступного.

«Анна Мария Скалли», — повторила про себя Молли. Хорошенькая, темноволосая, сексапильная молодая медсестра.

Они встречались в клинике. Любил ли ее Гэри, или это была просто интрижка, которая вышла

из-под контроля, когда Анна Мария забеременела? Теперь ей уже не узнать об этом. Осталось столько вопросов без ответов. Любил ли ее Гэри? Или их семейная жизнь была лишь притворством? Нет. Молли покачала головой. Слишком больно так думать.

Затем место свидетеля заняла Дженна. Молли знала, что подруге будет тяжело давать показания, но обвинитель вызвал ее в суд повесткой, и выбора у нее не было.

— Да, я действительно звонила Молли на мыс Код утром того дня, когда умер Гэри, — Дженна не стала этого отрицать. — Молли рассказала о связи мужа с Анной Марией и о том, что эта женщина беременна. Молли была просто убита.

И Молли снова перестала различать слова. Что-то спрашивал обвинитель... Кажется, была ли Молли рассержена. Дженна ответила, что Молли была расстроена. В конце концов Дженна признала, что да, Молли была очень сердита на Гэри.

— Молли, вставайте, судья покидает зал.

Филип Мэтьюз, адвокат, поддержал ее под локоть и заставил подняться. Он не выпустил ее руки, помогая держаться прямо, пока они выходили из зала суда. В коридоре ее ослепили вспышки фотокамер. Филип торопливо провел свою подзащитную сквозь толпу и поспешно усадил в машину.

— С вашими родителями мы встретимся дома, — сказал он, когда автомобиль тронулся с места.

Родители Молли прилетели из Флориды, чтобы быть с ней рядом. Они хотели, чтобы дочь переехала из того дома, где был убит Гэри, но она не могла этого сделать. Дом подарила ей бабушка, и Молли его очень любила. По настоянию отца она все-таки сменила обстановку в кабинете Гэри. Всю мебель отдали на благотворительность.

Со стен содрали тяжелые панели из красного дерева, вывезли коллекцию мебели и произведений искусства в колониальном стиле, которую собирал Гэри. Картины, скульптуры, ковры, масляные лампы, письменный стол, кожаную кушетку и кресла заменили обитый ярким ситцем диван, канапе и выбеленные дубовые столики. И все равно дверь в кабинет никогда не открывали.

Самый ценный предмет его коллекции — подлинная ремингтоновская бронзовая статуэтка всадника высотой тридцать дюймов — оставался вещественным доказательством и все еще находился в прокуратуре. Обвинение утверждало, что именно этим произведением искусства Молли размозжила Гэри голову.

Порой, когда Молли была уверена в том, что родители спят, она на цыпочках спускалась вниз, открывала дверь в кабинет, останавливалась на пороге и пыталась вспомнить во всех деталях, как она обнаружила мужа.

Обнаружила Гэри... Сколько бы Молли ни старалась, она не могла припомнить, чтобы в тот вечер говорила с ним или подходила к нему, когда он сидел за письменным столом. Она не помнила, чтобы брала статуэтку за передние ноги лоша-

ди, замахивалась и опускала на голову мужа с такой силой, чтобы проломить череп. Но, по словам обвинителя, именно так она и поступила.

Когда Молли вернулась домой после очередного заседания, то увидела, насколько обеспокоены родители, почувствовала, как они стремятся защитить ее. Молли никак не ответила на их объятия, стояла холодная, словно статуя, а потом отошла в сторону. Она смотрела на мать и отца без всякого выражения.

Да, красивая пара. Все их так называли. Молли знала, что похожа на Энн, ее мать. Уолтер Карпентер, ее отец, возвышался над ними обеими. Его волосы казались серебряными. А когда-то были белокурыми. Он называл это наследством викингов. Его бабушка была датчанкой.

— Я думаю, что никто не откажется от коктейля, — объявил отец и прошел к бару.

Молли и ее мать согласились выпить по бокалу вина, Филип Мэтьюз попросил мартини. Протягивая адвокату бокал, Уолтер спросил:

— Филип, насколько плохое впечатление произвели сегодня показания Блэка?

Молли отметила про себя слишком искренний тон Мэтьюза.

— Я думаю, мы сумеем его нейтрализовать во время перекрестного допроса.

Филипу Мэтьюзу было тридцать восемь лет, и он давно стал любимцем прессы. Отец Молли поклялся, что добудет лучшего защитника, а, несмотря на свою относительную молодость, именно таким и был Мэтьюз. Разве не он добился оправ-

дания радиомангата, чья жена-домохозяйка была убита? Да, согласилась про себя Молли, только тот человек не был залит кровью жены, когда его забирала полиция.

Она почувствовала, как туман в голове понемногу рассеивается, хотя знала, что ненадолго. Так всегда бывало. Но в этот момент Молли понимала, как все произошедшее выглядит в глазах присяжных.

— Сколько еще продлится суд? — спросила Молли.

— Около трех недель, — ответил Мэтьюз.

— А потом меня признают виновной, — констатировала Молли. — Вы тоже считаете меня убийцей? Я знаю, что все так думают, потому что я была слишком зла на Гэри. — Она устало вздохнула. — Девяносто процентов людей думают, что я лгу, когда говорю, что ничего не помню. А остальные десять считают, что я ничего не помню потому, что я сумасшедшая.

Чувствуя взгляды родителей и адвоката, Молли подошла к кабинету и распахнула дверь. Ощущение нереальности происходящего снова окутало ее.

— Может быть, я на самом деле убила его? — Ее голос звучал совершенно бесстрастно. — Та неделя на мысе Код... Я помню, как гуляла по пляжу и думала о том, как все несправедливо сложилось. Мы прожили в браке пять лет, я потеряла первого ребенка и отчаянно хотела родить еще. Наконец я забеременела, но на четвертом месяце произошел выкидыш. Помните? Папа, мама, вы

тогда приехали из Флориды, потому что волновались за меня. Мне было очень тяжело. Всего через месяц после этого я случайно сняла трубку телефона и услышала, как Анна Мария Скалли говорит с Гэри. И я поняла, что она ждет от него ребенка. Я была вне себя от гнева, мне было так больно. Я помню, что подумала тогда: господь наказал не того человека, когда забрал у меня ребенка.

Энн Карпентер обняла дочь. На этот раз Молли позволила ей это.

— Мне так страшно, — прошептала она, — так страшно.

Филип Мэтьюз взял под руку Уолтера Карпентера.

— Давайте пройдем в библиотеку, — предложил он. — Я думаю, пора взглянуть в лицо реальности. Полагаю, придется пойти на согласованное признание вины\*.

Молли стояла перед судьей и старалась сосредоточиться на словах обвинителя. Филип Мэтьюз сказал, что обвинитель неохотно, но все же согласился позволить ей признаться в убийстве, что влекло за собой десятилетнее тюремное заключение, потому что в его обвинении было одно слабое звено. Анна Мария Скалли, беременная любовница Гэри Лэша, еще не давала свидетельских показаний. И у нее не было алиби на вечер убийства.

---

\* Договоренность между судом и подсудимым о том, что последний признает себя виновным в совершении менее тяжкого преступления и получит минимальное наказание, причем суд не будет рассматривать обвинение в более тяжком преступлении.

— Обвинитель знает, что я постараюсь бросить тень подозрения на Анну Марию, — объяснил Филип. — Она тоже была зла на Гэри. Возможно, нам удастся убедить в этом присяжных. Но если вас все же осудят, то вы получите пожизненное заключение. А так вы выйдете через пять лет.

Настала очередь Молли сказать то, что они отрепетировали с защитником.

— Ваша честь, хотя я не могу вспомнить события того страшного вечера, я признаю, что показания против меня весьма серьезны. Я принимаю тот факт, что улики указывают на то, что именно я убила моего мужа.

Это страшный сон, думала Молли, она сейчас проснется, и все будет в порядке.

Пятнадцать минут спустя, после того как судья назначил ей десять лет тюремного заключения, ее вывели в наручниках из зала суда. На улице уже ждал фургон, которому предстояло отвезти Молли Карпенгер Лэш в тюрьму «Ниантик», главное исправительное учреждение для женщин в штате Коннектикут.

## ПЯТЬ С ПОЛОВИНОЙ ЛЕТ СПУСТЯ

### 1

Гас Брандт, исполнительный продюсер станции кабельного телевидения НАФ, поднял глаза от бумаг. Фрэн Симмонс, которую он совсем недавно взял на работу репортером шестичасовых новостей и его любимого детища, программы «Настоящее преступление», только что переступила порог его кабинета в небоскребе на Рокфеллер-плаза.

— Прошел слух, — возбужденно заговорил он, — что Молли Карпентер Лэш выпускают из тюрьмы досрочно. Она выходит на следующей неделе.

— Молли все-таки получила условное освобождение! — воскликнула Фрэн. — Я так за нее рада.

— Я сомневался, что ты помнишь об этом деле. Шесть лет назад ты жила в Калифорнии. Что тебе об этом известно?

— Честно говоря, практически все. Не забывай, я училась вместе с Молли в Крэнден-акаде-

мии в Гринвиче. Во время суда мне присылали местные газеты.

— Ты училась вместе с ней? Здорово! Я хочу запустить ее историю в эфир как можно скорее. Рассчитываю на несколько серий.

— Разумеется. Только, Гас, не думайте, что я близкая подруга Молли, — предупредила его Фрэн. — Мы не виделись со времени окончания школы, а с тех пор прошло четырнадцать лет. В тот же год я поступила в университет. Видите ли, моя мать переехала в Санта-Барбару, и я потеряла связь со знакомыми из Гринвича.

На самом деле у Фрэн и ее матери были веские причины для переезда в Калифорнию. Им хотелось поскорее забыть Коннектикут. В тот день, когда Фрэн окончила школу, отец повел их с матерью в ресторан, чтобы отпраздновать это событие. Во время десерта он произнес тост за будущее Фрэн, поцеловал жену и дочь, а потом, под предлогом того, что забыл в машине бумажник, Фрэнк Симмонс вышел на парковку и застрелился. Через несколько дней всем стало ясно, почему он это сделал. Следствие быстро установило, что отец Фрэн растратил четыреста тысяч долларов из средств, собранных в фонд строительства гринвичской библиотеки, председателем которого он был.

Гас Брандт, разумеется, уже знал эту историю. Он сам заговорил об этом с Фрэн, когда приехал в Лос-Анджелес, чтобы предложить ей работу.

— Послушай, это все в прошлом, — сказал он тогда. — Тебе незачем прятаться в Калифорнии. И потом, переход к нам станет шагом вверх в твоей карьере. Всем, кто занят в нашем бизнесе,

приходится переезжать с места на место. Наши шестичасовые новости забивают все местные станции, а передача «Настоящее преступление» держится в первой десятке. И потом, признайся, ты же скучаешь по Нью-Йорку.

Фрэн решила, что он обязательно вспомнит старую присказку о том, что по сравнению с Нью-Йорком все остальное — деревня, но Гас не стал заходить так далеко. С седыми редеющими волосами и опущенными плечами Гас выглядел на все свои пятьдесят пять, а на его лице сохранялось выражение, какое бывает у человека, опоздавшего на последний автобус в снежную ночь.

Но внешность обманывала, и Фрэн отлично знала об этом. На самом деле Гаса отличали острый ум, внушительный послужной список, в котором числилось немало успешных новых шоу, и острая тяга к соперничеству, какой не было больше ни у кого в этом бизнесе. Почти не раздумывая, она приняла его предложение. Работа с Гасом означала переход с проселочной дороги на скоростную трассу.

— Так значит, ты не виделась с Молли и не разговаривала с ней после школы?

Голос шефа вернул Фрэн к действительности.

— Нет. Я написала ей, когда шел суд, предложила свое сочувствие и поддержку, но получила в ответ письмо за подписью ее адвоката. В нем говорилось, что миссис Лэш признательна за мою заботу, но не намерена ни с кем вступать в переписку. Это было около пяти с половиной лет назад.

— Как она выглядела? Я имею в виду в юности.

Фрэн заправила за ухо прядь светло-русых волос. Это был бессознательный жест, говорящий о том, что она пытается сосредоточиться. Перед глазами мелькнула картина из прошлого, и она увидела шестнадцатилетнюю Молли в Крэнден-академии.

— Молли всегда была особенной, — начала она после недолгого молчания. — Вы же видели ее фотографии. Она всегда была красавицей. Когда мы все были еще угловатыми подростками, на нее уже оборачивались. У нее были совершенно невероятные голубые глаза, фигура, которой позавидовала бы любая модель, и великолепные белокурые волосы. Но наибольшее впечатление на меня производила ее выдержка. Помню, я тогда думала, что, если бы она встретила на рауте одновременно Папу Римского и королеву Великобритании, она бы знала, как к ним обратиться и кого приветствовать первым. Хотя это может показаться странным, я всегда подозревала, что, несмотря на внешность, она очень застенчива. При всей внешней сдержанности, в ней было что-то очень трогательное. Молли напоминала красивую птицу, присевшую на ветку и в любую минуту готовую взлететь. Один раз я видела ее в вечернем платье, — вспомнила Фрэн. — Молли словно плыла по комнате. Она выглядела выше своих пяти футов восьми дюймов благодаря великолепной осанке.

— И насколько вы были дружны? — поинтересовался Гас.

— На самом деле я не принадлежала к ее кругу. Молли относилась к тем девушкам, чьи родители были членами загородного клуба. А я была хорошей спортсменкой и уделяла больше внимания тренировкам, чем общественной жизни. Уверяю вас, вечерами по пятницам мой телефонный аппарат никогда не разрывался от звонков.

— Как сказала бы моя мать, ты росла хорошей девочкой, — сухо заметил Гас.

Фрэн не забыла, что ей всегда было не по себе в академии. В Гринвиче было достаточно семей, принадлежавших к так называемому среднему классу, но средний класс никогда не удовлетворял ее отца. Он пытался завести знакомство с людьми состоятельными. Фрэнк Симмонс хотел, чтобы Фрэн дружила с девочками из родовитых семей или семей со связями.

— Какой характер был у Молли?

— Она была очень милой, — ответила на вопрос Гаса Фрэн. — Когда умер мой отец и просочились слухи о том, что он сделал — растрата, самоубийство и все такое, — я всех избегала. Молли знала, что я бегаю каждое утро, и как-то утром я обнаружила, что она меня ждет. Молли сказала, что хочет составить мне компанию. Так как ее отец сделал самый крупный взнос в библиотечный фонд, то вы можете представить, что значило для меня проявление дружбы с ее стороны.

— Тебе незачем было стыдиться того, что совершил отец, — бросил Гас.

Голос Фрэн зазвенел:

— Я не стыдилась его. Мне было его жаль, и еще я на него сердилась. Почему он решил, что нам

с мамой нужны все эти вещи, которые он покупал? После его смерти мы вспомнили, что папа не находил себе места, потому что предстояла финансовая проверка фонда. Отец знал, что нехватка будет обнаружена.

Фрэн помолчала, потом негромко добавила:

— Разумеется, отец был не прав. Он не должен был брать эти деньги, не должен был думать, что они нам нужны. Отец был слабым человеком. Теперь я понимаю, что он был страшно неуверен в себе. И все-таки он был замечательным.

— Таким был и доктор Гэри Лэш. Он был к тому же и хорошим администратором. У клиники Лэша прекрасная репутация, да и ОМО «Ремингтон» не похожа на те, что быстро приходят к банкротству, оставляя ни с чем врачей и пациентов. — Гас коротко улыбнулся. — Ты была знакома с Молли, вы вместе учились, так что тебе легче представить ситуацию. Как ты считаешь, это она убила мужа?

— Не сомневаюсь, — быстро ответила Фрэн. — Улики против нее были вескими, а я освещала немало судебных процессов и понимаю, что убить может любой. Люди разрушают всю свою жизнь, лишь на мгновение утратив над собой контроль. И все же, если только Молли не стала совершенно другим человеком с тех пор, как мы были знакомы, я бы никогда не поверила, что она способна убить. И я понимаю, что именно поэтому Молли вытеснила все из памяти.

— Вот почему этот случай так подходит для нашей программы, — заключил Гас. — Займись этим.

Мэри Хиггинс Кларк

Когда Молли Лэш выйдет из тюрьмы на следующей неделе, ты должна быть среди тех, кто будет ее встречать.

## 2

Неделю спустя сырым мартовским утром, подняв до ушей воротник непромокаемого пальто, засунув руки в карманы и натянув почти на глаза любимую лыжную шапочку, Фрэн ждала выхода Молли в толпе журналистов у ворот тюрьмы. Ее оператор Эд Эхерн стоял рядом.

Как обычно, все вяло переговаривались. На этот раз о погоде — порывы ледяного ветра приносили жалящий мокрый снег — и о том, в какую рань пришлось прийти. Не обошлось и без воспоминаний о деле, о котором пять с половиной лет назад кричали заголовки на первых полосах газет.

Фрэн уже записала несколько репортажей на фоне тюрьмы. Ранним утром прошел прямой эфир. Зрители видели, как она говорила в микрофон: «Мы ждем у ворот тюрьмы “Ниантик” в штате Коннектикут, в нескольких милях от границы Род-Айленда. Скоро из этих ворот выйдет Молли Карпентер Лэш, которая провела за решеткой пять с половиной лет, признавшись в убийстве своего мужа Гэри Лэша».

И теперь, дожидаясь Молли, она прислушивалась к тому, что говорили другие. Все соглашались с тем, что Молли была виновна и что ей чертовски повезло выйти на свободу через пять с половиной

лет. И кого она хотела обмануть, утверждая, что не помнит, как проломила бедняге голову?

Фрэн предупредила студию, как только увидела темно-синий седан, выехавший из-за главного здания.

— Машина Филипа Мэтьюза отъезжает, — сказала она.

Адвокат Молли приехал за ней полчаса назад. Эхерн включил камеру.

Остальные тоже заметили машину.

— Мы просто зря тратим время, — заявил репортер из «Пост». — Даю десять к одному, что, как только откроются ворота, они нажмут на газ. Эй, стойте!

Фрэн спокойно говорила в микрофон:

— Машина, увозящая Молли Карпендер Лэш на свободу, только что тронулась с места.

И тут она с изумлением увидела высокую тонкую фигуру, которая шла следом за седаном.

— Чарли, — обратилась она к ведущему утреннего выпуска новостей, — Молли не сидит в машине, а идет позади нее. Держу пари, что она собирается сделать заявление.

Вспыхнули юпитеры, зажужжали камеры, завертелись бобины с пленкой, микрофоны нацелились на Молли Карпендер Лэш, которая подошла к воротам и стояла в ожидании, пока их откроют. Фрэн заметила, что на лице у нее было выражение, как у ребенка, который наблюдает за механической игрушкой.

— Такое впечатление, что Молли не верит тому, что происходит, — прокомментировала она.

Как только Молли оказалась за воротами, ее обступили журналисты. Она вздрогнула, когда на нее посыпался град вопросов.

— Как вы себя чувствуете?

— Вы с нетерпением ждали этого дня?

— Вы собираетесь навестить родственников Гэри?

— Как вы считаете, вернутся ли к вам воспоминания о том вечере?

Как и остальные, Фрэн направила на Молли свой микрофон, но намеренно осталась стоять в стороне. Она не сомневалась в том, что шансы взять в будущем интервью у Молли сведутся к нулю, если миссис Лэш сейчас увидит в ней врага.

Молли протестующе подняла руку.

— Прошу вас, дайте мне возможность сказать, — спокойно попросила она.

Какая она бледная и худая, заметила Фрэн. Словно после болезни. Молли изменилась, и дело не только в том, что она стала старше.

Фрэн вгляделась в ее лицо, пытаясь найти ответ. Волосы, когда-то золотые, стали такими же темными, как ресницы и брови. Они заметно отросли, и Молли собрала их заколкой на затылке. Ее обычно светлая кожа стала бледного алебастрового оттенка. Губы, всегда готовые улыбнуться, были сурово сжаты, словно она не смеялась много лет.

Наконец шквал вопросов кончился, и наступила тишина.

Филип Мэтьюз вышел из машины и встал рядом с бывшей подзащитной.

— Молли, не делайте этого. Властям это не понравится...

Он попытался остановить ее, но она не обратила на него ни малейшего внимания.

Фрэн с интересом посмотрела на адвоката. Что он за человек?

Мэтьюз был среднего роста, с волосами песочного цвета, тонкими чертами лица, напористый. Он показался Фрэн тигром, защищающим своего детеныша. Она поняла, что не удивилась бы, если бы Мэтьюз насильно усадил Молли в машину.

Молли оборвала его:

— У меня нет выбора, Филип.

Она посмотрела прямо в камеры и заговорила четко, ясно:

— Я благодарна за то, что меня отпустили. Для того чтобы меня выпустили условно, мне пришлось признать, что я убила мужа. Я вынуждена была согласиться с тем, что улики против меня. И хотя я сказала об этом на суде, теперь говорю всем вам, что, несмотря на очевидность фактов, в душе я уверена, что не способна отнять человеческую жизнь. Я понимаю, что моя невиновность, возможно, никогда не будет доказана, но я надеюсь, что дома, в тишине, память все-таки вернется ко мне и я вспомню все, что произошло в тот ужасный вечер. До этого момента я не успокоюсь и не смогу заново строить свою жизнь.

Она помолчала. Когда же заговорила снова, голос звучал тверже и увереннее.

— Когда память начала понемногу возвращаться, я вспомнила, что нашла Гэри умирающим в